

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ СЕГОДНЯ

С. В. Чешко

ВРЕМЯ СТИРАТЬ «БЕЛЫЕ ПЯТНА»

В ряду неотложных дел, которые поставила на повестку дня перестройка, дождался своей очереди и национальный вопрос. Хотелось бы, конечно, чтобы это произошло несколько раньше. Тогда обществу, возможно, не пришлось бы испытать столь жестокого стресса, каким стало для нас взрывное обострение карабахского вопроса. Не сложилась бы такая ситуация, когда, подобно *deus ex machina* объявился (не для всех, правда, неожиданно) и предстал во всем своем обескураживающем разнообразии целый набор других региональных проблем. Не возникла бы необходимость срочно искать новые пути и способы укрепления всей многонациональной государственной системы. Будем надеяться, что прошедшая XIX Всесоюзная конференция КПСС станет началом перестройки в области управления национальными процессами, регулирования национальных отношений.

Основания для такой надежды есть, поскольку конференция уделила специальное внимание многим актуальным вопросам, относящимся к этой сфере жизни общества, определила принципиальные подходы к их решению. Разумеется, эти подходы требуют дальнейшей и весьма серьезной проработки. Неизбежны столкновения, борьба мнений и идеологических концепций. С тем большим нетерпением мы ожидаем предстоящего пленума ЦК КПСС по национальному вопросу. Тем большая ответственность ложится на нас в формировании обновленной теории и методологии национального строительства, в отпоре неосталинистским, неозастойным, неоконсервативным — как их ни называй — «теориям». В сложных условиях переходного периода от бюрократического государства к социалистической демократии они уже вызревают на почве догматического легитимизма и боязни перемен, которые свойственны части управленческого аппарата и ученых. Не впадая в пессимизм, все же позволю себе высказать опасение, что подобные концепции имеют некоторые шансы на успех, даже после партийной конференции. За ними стоят еще не сломленные традиции политической демагогии, богатый опыт «промывания мозгов».

Оценивая сложившуюся ситуацию, надо видеть главное. Оно состоит в том, что решения конференции могут стать хорошей основой для плодотворной научно-теоретической и практической работы по совершенствованию политики в национальном вопросе. Прежде всего политики, ибо допускаявшиеся в ней просчеты являлись, по моему глубокому убеждению, основной причиной осложнения национальных отношений в стране. Зачастую эту проблему пытаются подменить другими, второстепенными, например — задачей повышения культуры межнационального общения, улучшения интернационального воспитания и т. п. Доходит до того, что чуть ли не целые народы обвиняются в национализме и экстремизме, в противодействии перестройке. Не берусь судить, чего здесь больше — недопонимания или желания найти «стрелочника». По-видимому, наша политическая культура и вправду слишком низка, поскольку мы упорно не хотим признать довольно очевидную истину. Если какие-то меры по регулированию общественных и в частности нацио-

нальных процессов не дают ожидавшихся результатов, то причину этого надо искать не в несознательности народа или в деятельности под-рывных элементов, а в накапливавшихся и перешавшихся десятилетиями проблемах, в политических ошибках руководителей.

В материалах конференции, касающихся национального вопроса, каждый, наверное, может обнаружить для себя что-то созвучное его мыслям и убеждениям, выделить наиболее существенное. На мой взгляд, особенно важное значение имеют два положения, высказанные М. С. Горбачевым в докладе и, пожалуй, несколько менее акцентированные в резолюции «О межнациональных отношениях».

«Выступая за дальнейшее укрепление межнациональных отношений,— отмечал М. С. Горбачев,— мы исходим из того, что развитие Советского союзного государства, интернациональные связи и братство наших народов — это живые динамичные процессы»¹. Очевидно, что в развивающемся, многонациональном обществе и политика должна быть гибкой, динамичной, учитывающей сложнейшую диалектику общественных процессов. Само союзное государство (как определенная структура институционализированных, конституционно фиксированных национальных взаимосвязей) не может рассматриваться в качестве неизменной модели.

Последнее не выглядит, однако, бесспорным выводом из всего того, к чему пришла конференция. М. С. Горбачев подчеркивал, что для решения национальных проблем «у нас есть только один путь: в рамках сложившейся структуры союзного государства обеспечивать максимальный учет интересов каждой нации и народности и всего сообщества советских народов. Другой подход в наших конкретных условиях просто невозможен, любая попытка вступить на другой путь была бы гибельной»². Смысл всей фразы может несколько измениться в зависимости от того, где поставить смысловое ударение. Очень вероятно, что речь идет о недопустимости изменений в национально-государственном устройстве СССР. Но заниматься извлечением истины путем начетнического препарирования чьих-то высказываний, будь то давно умерший классик или действующий лидер,— это анахронизм. Важнее определить свою позицию, исходя из принципиальных соображений. Моя позиция состоит в том, что ограничение динамичных процессов развития жесткой формой противоречит здравому смыслу, идее развития как такового, ведет к дальнейшему осложнению национальных отношений.

В последние месяцы мы неоднократно слышали твердые, многозначительные предупреждения в том духе, что структурные изменения в национально-государственном устройстве СССР чреваты гибельными последствиями. Однако это — не доказанный тезис. И уж во всяком случае не доказано, что более «гибельно» для страны — неизбежность или разумная реорганизация. Даже обидно за наш Союз: неужели он так непрочен, неужели столь хрупка воспетая многими поколениями идеологов и политиков дружба народов, что единство тут же развалится — стоит только тронуть обрамляющие его институционные рамки? Едва ли требуется перекраивать всю карту страны, ломать и переделывать все подряд. Но система национально-государственного устройства должна быть достаточно гибкой, чтобы при необходимости видоизменять свою структуру. Созданное в 1920—1930-е годы было рассчитано не на века, а применительно к тогдашним условиям развития народов страны.

Второе положение, которое, по моему мнению, заслуживает особого внимания, М. С. Горбачев сформулировал так: «мы добиваемся того, чтобы человек любой национальности был на деле полноправным в любом районе страны, чтобы он везде мог реализовать свои права и законные интересы»³. Сказано это было в связи с проблемами национальных

¹ Горбачев М. С. О ходе реализации решений XXVII съезда КПСС и задачах по углублению перестройки. Доклад на XIX Всесоюзной конференции КПСС 28 июня 1988 года // Коммунист. 1988. № 10. С. 41.

² Там же. С. 40.

³ Там же. С. 41.

групп в национальных республиках. Но это — и общая проблема, выражающая в конечном счете существо национального вопроса.

Недавние легковесные суждения о его состоянии постепенно сменяются более критическими оценками. И чем больше мы узнаем о нашей истории и действительности, чем глубже пытаемся их исследовать, тем явственней становится, что возведенные в ранг почти религиозных догматов лозунги о дружбе народов, спекуляции на почве интернационализма — а это не менее социально опасно, чем националистическая идеология — скрывали серьезные проблемы. Мы и сегодня больше говорим об их существовании, чем конкретно о них самих. Есть вопросы, затрагивать которые считается примерно так же неприлично, как, скажем, агитировать за свободную любовь.

Не принято, например, констатировать, что далеко не все обстоит благополучно с соблюдением национальных прав народов страны, что не все они имеют равные возможности для развития собственных культур. Это касается даже некоторых народов, имеющих автономию, т. е. пользующихся определенными конституционными гарантиями. Один из наиболее ярких тому примеров — делящаяся уже несколько десятилетий история с Горно-Бадахшанской автономной областью Таджикской ССР (ГБАО).

Помимо таджиков и киргизов, на территории ГБАО проживают так называемые памирские народы — коренное население этого региона. Их общая численность невелика — несколько десятков тысяч человек. Шугнаны, язгулемцы, рушанцы, ишкашимцы, ваханцы и др. — это особые этносы, обладающие собственной историей, сохраняющие родные языки, культурные традиции, этническое самосознание и самоназвания. Учет этнических особенностей памирских народов, а также особенностей их социально-экономического развития, собственно, и послужил основанием для создания в 1925 г. ГБАО. Однако начиная с Всесоюзной переписи населения 1959 г., эти народы исчезли из официальных статистических сводок о населении страны. Руководство Таджикистана игнорировало их существование и успешно навязывало свою точку зрения ЦСУ СССР. Аргументируют такую позицию вовсе не естественной ассимиляцией памирцев таджиками, что действительно происходит; по оценкам специалистов, уже практически ассимилировался один из памирских народов — ванчцы. Утверждают, что памирцы по своему происхождению — это таджики, а их языки — не более, чем диалекты таджикского языка.

Этнографы не раз доказывали несостоятельность этой «концепции», неоднократно ставили вопрос перед руководящими органами и ЦСУ СССР (ныне Госкомстат) о необходимости восстановить истину и справедливость. Положение, однако, не меняется, а даже ухудшается. В последнее время в Таджикистане активизировались сторонники отадживания памирцев, среди которых есть деятели от науки, есть и лица, претендующие на роль народных глашатаев⁴. Методы применяются

⁴ Весьма характерное открытое письмо было опубликовано в газете «Коммунист Таджикистана» от 24 июня 1986 г. Оно подписано «группой ветеранов партии», в прошлом, как они сообщают, работавших в партийных, советских, хозяйственных органах и в системе народного образования. Подписавшие письмо обрушиваются с гневной критикой на тех, кто отстаивает «в корне неверную идею» о том, что памирцы — это не таджики, а особые народы, на тех, кто считает необходимым издавать газеты и книги на памирских языках. При этом они ссылаются на труды видных историков и этнографов, «в том числе и иностранных», категорично утверждают, что «на Памире испокон веков народные праздники, свадьбы и другие ритуалы и обряды проводились исключительно на таджикском языке», сообщают, что у их поколения никогда «не было никаких сомнений в национальной принадлежности памирских таджиков», высказывают своеобразную мысль о том, что памирские диалекты «являются культурным достоянием всего таджикского народа». Думающих иначе авторов обвиняют в подрыве интернационализма и перестройки. Предлагается и столь знакомое средство борьбы с вольнодумцами. «Просим Центральный Комитет Компартии Таджикистана поставить прочный заслон нездоровым суждениям среди научных работников и творческой интеллигенции всеми средствами политического и идеологического воздействия». В заключение подписавшиеся заверяют в своей готовности крепить интернациональное

разнообразные: упрощение протекающих у памирских народов процессов этнокультурного развития, фальсификация исторических, этнографических, лингвистических данных, тенденциозное толкование исследований одних ученых и обвинение других в подстрекательстве к национализму, даже запугивание перспективой «второго Карабаха». О «научной» базе этой кампании можно судить хотя бы по такому факту. Те, кто классифицирует памирские языки как диалекты таджикского, просто не желают замечать общепризнанного в науке обстоятельства: памирские языки относятся к восточноиранской языковой группе, а таджикский — к западноиранской. С равным успехом можно сказать, что, например, чешский язык является диалектом русского языка или наоборот. Называя вещи своими именами, приходится признать, что в отношении памирских народов нарушается первое и основное право национальностей — право на существование. Что дальше? Ликвидация ГБАО?

XIX партконференция выдвинула задачу «осуществить назревшие меры по дальнейшему развитию и укреплению советской федерации на основе демократических принципов»⁵. Жизнь диктует необходимость расширения прав национально-государственных образований и обитающих на их территории народов. Особенно актуален этот вопрос для автономных республик, областей, округов. Иначе будет трудно решить, скажем, застарелые экономические, социальные, экологические проблемы народов Севера. Политическое решение карабахского конфликта зашло в тупик, думаю, в значительной степени потому, что действующее законодательство недостаточно четко и полно регламентирует статус, права автономной области, не определяет пределов ее подчинения союзной республике, оставляет сомнения по поводу понятия «национальное самоопределение», относительно функций и прерогатив Верховного Совета СССР в спорных случаях, порядка их разрешения. Между тем подобные конфликтные ситуации уже давно существуют и в некоторых других регионах страны. Вообще, видимо, следует ставить вопрос о выработке полноценного законодательства по национальному вопросу, включая соответствующие изменения в Конституции и поясняющие ее положения подзаконные акты, которые сегодня начисто отсутствуют.

Многие сложности в национальных отношениях обусловлены тем, что примерно каждый пятый советский гражданин проживает за пределами своей республики. Миграционные процессы, особенно интенсивные в годы войны и послевоенные десятилетия, привели к тому, что в Казахской и Киргизской ССР, в 13 из 20 АССР, в 5 из 8 автономных областей, в 8 из 10 автономных округов основные коренные национальности не составляют большинства населения. По мере дальнейшего развития общества, углубления его внутренней социально-экономической и культурной интеграции подвижность населения будет скорее расти, нежели сокращаться. Это — естественная, необратимая тенденция современности. Однако в условиях недостаточно эффективного регулирования национальных процессов в совокупности с имеющимися недостатками в социально-экономическом и политическом развитии страны эта же тенденция порождает очень сложные проблемы. «Следует позаботиться, — подчеркивалось в решениях партконференции, — чтобы национальности, проживающие за пределами своих государственно-территориальных образований или не имеющие их, получили больше возможностей для реализации национально-культурных запросов, особенно в сфере образования, общения, народного творчества, а также создания очагов национальной культуры, использования средств массовой информации, удовлетворения религиозных потребностей»⁶.

воспитание молодежи и продвигать революционную перестройку общества. В таких случаях, как говорится, комментариизлишни, тем более — в академическом журнале.

⁵ О межнациональных отношениях. Резолюция XIX Всесоюзной конференции КПСС//Коммунист. 1988. № 10. С. 79.

⁶ Там же. С. 80.

Несбалансированность миграционных потоков, не всегда достаточно продуманные переброски трудовых ресурсов зачастую создают перекосы в структуре занятости, в сферах материального и социального обеспечения, что неизбежно отражается на состоянии национальных отношений, вызывает справедливое недовольство коренного населения. В то же время представители некоренных национальностей нередко испытывают трудности в удовлетворении своих культурных запросов, случается — подвергаются дискриминации или искусственной ассимиляции.

В публикациях по национальному вопросу все чаще упоминается великодержавный шовинизм, под которым конкретно и однозначно понимается русский шовинизм. Это — далеко не безобидный стереотип и, смею утверждать, прибегают к нему далеко не всегда без определенного умысла. В любом словаре можно прочесть, что шовинизм — это крайнее проявление национализма, а великодержавный шовинизм — это шовинизм господствующей нации по отношению к угнетенным нациям. В таком, и только в таком смысле употреблял данный термин В. И. Ленин, на которого любят ссылаться в попытках доказать, что шовинизм — это чуть ли не национальная черта русского народа. Того самого народа, который, если уж придерживаться исторической правды, больше других пострадал от самодержавия, понес наибольшие людские и духовные потери в послереволюционный период. Кстати говоря, В. И. Ленин отнюдь не считал, что в царской России была только одна господствующая нация — русская. Он, в частности, указывал на существование национального гнета «со стороны... украинцев, поляков по отношению к евреям, со стороны татар к башкирам и т. п.»⁷.

Механическое экстраполирование на теперешнюю советскую действительность ленинских характеристик национального вопроса, даже ленинской терминологии вообще может привести к ошибочным выводам. Очевидно, например, что шовинизм сегодня — это редуцированный, трансформировавшийся шовинизм. К сожалению, не изжит шовинистическая идеология, не всегда на деле обеспечивается равноправие народов. Но система национального угнетения давно сломана. И тем более недопустимо отождествлять в наших условиях шовинизм исключительно с великорусским шовинизмом, подразумевая, таким образом, что в СССР существует политическое господство русского народа, вольно или невольно разжигая и без того усилившиеся антирусские, националистические настроения.

Практика показывает, что шовинизм в совокупности его психологических и материализованных проявлений наблюдается (постольку, поскольку он вообще существует в нашем обществе) в первую очередь в среде основных коренных национальностей ряда союзных республик по отношению к иноэтничному населению. Он выступает, в частности, одним из факторов выталкивания части славянского населения из Средней Азии и Закавказья.

Причины напряженности в отношениях между представителями (вряд ли можно сказать — между народами в целом) коренных и некоренных национальностей многообразны. Специфика этого вида национальных противоречий состоит в том, что в массовом сознании сложилось неверное представление о союзных (автономных) республиках преимущественно или даже исключительно как о форме самоуправления соответствующих коренных наций. В одних случаях эти представления питаются историческими традициями: так, в Прибалтике существовали национальные буржуазные государства в границах нынешних союзных республик. В других случаях традиции «этнореспубликанского эгоцентризма» сложились уже в рамках Союза ССР. В Средней Азии до национально-государственного размежевания никогда не существовало национальных в полном смысле этого слова государств.

«Этнореспубликанский эгоцентризм» до некоторой степени подкрепляется несовершенством все того же законодательства в национальном вопросе, неясностью, противоречивостью наших представлений о стра-

⁷ Ленин В. И. Проект программы РКП(б) // Полн. собр. соч. Т. 38. С. 111.

тегии национального строительства. В Конституции СССР (ст. 36) провозглашается равноправие народов, гарантируется возможность «пользоваться родными языками и языками других народов СССР». Указано также, что «прямое или косвенное ограничение прав, установление прямых или косвенных преимуществ граждан по расовым и национальным признакам, равно как и всякая проповедь расовой или национальной исключительности, вражды или пренебрежения — наказываются по закону». Правда, кажется, еще не было случая чтобы кто-нибудь понес такое наказание. Да и в принципе сложно применить данное положение Конституции, поскольку юридически очень непросто определить границы между национальным патриотизмом и национализмом, который, к тому же, часто прикрывается интернационалистской демагогией. Практически невозможно доказать факты ущемления национальных прав, так как их всегда можно списать на тривиальные «недостатки в работе». Но главное — это то, что законом не установлено, кто и каким образом должен обеспечивать соблюдение национальных прав и интересов, как сами национальности могут отстаивать свои интересы, заботиться о развитии своей культуры. Не более, чем парадной декларацией выглядит следующее положение Конституции: «Осуществление этих прав обеспечивается политикой всестороннего развития и сближения всех наций и народностей СССР, воспитанием граждан в духе советского патриотизма и социалистического интернационализма...». Народы-этноты реально не являются субъектами права. Таковыми являются только национально-государственные образования.

В действительности же вообще получается парадокс. Зачастую права этих образований, особенно когда дело касается экономики или экологии, оказываются фикцией. Но в то же время именно основные коренные национальности имеют преимущественные возможности для удовлетворения своих конституционных прав. В том числе отсюда — лозунги типа «Казахстан — для казахов», отсюда — и «коренизация» престижных, доходных сфер общественной жизни в некоторых республиках: управления, высшего образования, науки, литературы, профессионального искусства и т. п. Словом, есть о чем подумать в связи с реализацией принципа социалистического федерализма, относительно увязывания национально-государственного устройства общества и прав каждого конкретного народа. Думается, верховным гарантом этих прав должен на деле стать Союз ССР, не пресловутая «Москва», а Союз ССР — даже за счет некоторого ограничения суверенитета республик.

Есть смысл присмотреться и к некоторым понятиям, которые довольно неожиданно переросли свое инструментально-прикладное значение. Справедливо ли, например, считать таджиков некоренной национальностью в Узбекистане или узбеков в Таджикистане, старожильческое славянское население в национальных республиках? Этак окажется, что часть народов страны вообще не сможет называться коренными.

Впрочем, такая участь уже давно постигла народы, обладающие государственностью вне СССР или проживающие в основном за рубежом⁸.

Немцы — 1936 тыс.
Поляки — 1151 тыс.
Корейцы — 388 тыс.
Болгары — 361 тыс.
Греки — 344 тыс.
Уйгуры — 211 тыс.

Венгры — 171 тыс.
Румыны — 129 тыс.
Курды — 116 тыс.
Турки — 93 тыс.
Финны — 77 тыс.
Дунгане — 52 тыс.

Персы — 31 тыс.
Ассирийцы — 25 тыс.
Белуджи — 19 тыс.
Чехи — 18 тыс.
Словаки — 9 тыс.
Халха-монголы — 3 тыс.

Эти 18 народов общей численностью свыше 5 млн. чел. при проведении переписей населения не включаются в категорию «народы СССР».

На первый взгляд, такая логика выглядит оправданной. Но если придерживаться ее, то из числа народов СССР придется исключить также азербайджанцев, таджиков, евреев, цыган, саамов, эскимосов, алеутов, памирские народы — еще более 10 млн. человек, поскольку эти этносы расселены большей частью за пределами страны, а у евреев,

⁸ Численность дана на 1979 г.: Численность и состав населения СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. М., 1985. С. 71—73. Табл. 13.

помимо им самим не нужной Еврейской автономной области⁹, есть еще и самостоятельное государство.

Казалось бы, подобные нюансы важны только для специалистов. Однако, думается, это далеко не так. В национальном вопросе не бывает мелочей. Собственно само содержание национального вопроса во многом состоит именно из «мелочей», которые имеют свойство при их недооценке превращаться в настоящие проблемы. Достаточно сказать, что привычная и внешне довольно нейтральная формула «советские нации и народности» стала вызывать возражения. В условиях повсеместного роста этнического самосознания люди начинают чувствовать себя ущемленными, если их народ относят к народностям, а не к нациям.

Но дело не только в этнической психологии, в ранимости чувств национального достоинства. Коль скоро государство стремится гарантировать как индивидуальные гражданские права, так и права национально-групповые, то эти группы, т. е. народы, должны быть равными абсолютно во всем, прежде всего — в своем статусе и, следовательно, в своих правах. С ним связано и многое другое — возможности для национального самовыражения, развития родных языков и культур. Благодаря тому, что названные 18 народов выделяются в особую категорию, официальная статистика занижает данные о сохранении ими родных языков. При переписях населения учитываются только языковое самоопределение (родной язык) и владение вторым языком, причисленным к языкам народов СССР. В результате получается, что, например, все 815 тыс. поляков, указавших в качестве родного языка язык другой национальности, польским языком будто бы вообще не владеют. А ведь такие данные должны приниматься во внимание при анализе происходящих в стране этнокультурных процессов, при планировании программ социального и культурного развития.

Все эти обстоятельства тем более важны, что советские «иностранцы» народы не имеют никаких форм национального самоуправления и поэтому полностью зависят от доброй воли и компетентности соответствующих республиканских органов управления. После ликвидации в 1930-е годы национальных районов и национальных сельсоветов, после ликвидации в 1941 г. АССР Немцев Поволжья, преобразования в 1956 г. Карело-Финской ССР в Карельскую АССР и Бурят-Монгольской АССР в Бурятскую АССР в 1958 г. все эти народы оказались как бы вне национально-государственной структуры СССР. Исчезли не только формы самоуправления. «Исчезли» сами народы, поскольку даже упоминать некоторые из них было не принято.

История национального строительства в нашей стране имеет свои «белые пятна». Она и сегодня скромно умалчивает, что в 1937—1938 годах насильно переселяли корейцев с Дальнего Востока в Казахстан и Среднюю Азию, туда же в годы войны — курдов¹⁰ и турок-месхов из Грузии, что опыты по депортации немцев и поляков (с Украины) начались еще в 1936 г. Хвосты «белых пятен» тянутся из уже далекого прошлого в сегодняшнюю действительность. В 1957 г. курдам наконец-то разрешили вернуться в Грузию, а в 1961 г. их опять выселили. До недавнего времени не могли вернуться в родные места турки-месхи, хотя они просили об этом не одно десятилетие.

* * *

Считаю нужным специально остановиться на судьбе советских немцев. Она примечательна тем, что в ней очень наглядно переплетаются драматичные события прошлого и актуальные для настоящего проблемы совершенствования национальных отношений. Кроме того, немецкий народ занимает несколько особое положение среди народов СССР. В текущем столетии Германия дважды воевала с нашей страной, и это, особен-

⁹ В 1979 г. в Еврейской автономной области проживало лишь 10 тыс. евреев, что составляло 5% населения области и 0,5% общей численности евреев СССР. Численность и состав населения СССР. С. 84. Табл. 15; С. 71. Табл. 13.

¹⁰ Из района Батуми.

но последняя война, принесло ему немало специфических трудностей. По существу вся история советских немцев с августа 1941 г. представляет собой сплошное «белое пятно». Предварительно обратимся к более ранним этапам их истории, о которых в разное время уже писалось в «Советской этнографии»¹¹.

Иммигранты из Западной Европы, в том числе из германских государств до середины XVIII в. были в России сравнительно немногочисленны. Воспные специалисты, инженеры, врачи, ученые, торговцы, ремесленники пополняли городские слои населения. Их потомки, прижившись и обрусев, честно служили своей новой родине, многое сделали для ее процветания, для развития российской культуры. Значительную часть «западноевропейского» населения России составляли остзейские немцы.

К середине XVIII в. сложилась такая ситуация, что потребности развития страны диктовали необходимость хозяйственного освоения малозаселенных обширных территорий на юге Украины и русского Черноземья, в Среднем и Нижнем Поволжье, в ряде других регионов. В условиях крепостничества для этого не имелось достаточно свободных людских ресурсов. Поэтому возникла идея ввоза рабочей силы из Европы. Таким образом, заодно предполагалось создать опорные пункты на окраинах империи и расширить социальную базу строя.

Еще в царствование Елизаветы обсуждались проекты набора колонистов во Франции и Пруссии, была предпринята попытка создать на Украине полувоенные поселения сербов. Однако осуществление подобных проектов происходило уже при Екатерине II.

Манифестом от 22 июля 1763 г. правительство приглашало желающих переселиться в Россию, гарантировало им наделение землей и разнообразные льготы. Первоначально намечалось разместить переселенцев в Воронежской, Оренбургской и Астраханской губерниях, в Барабинской степи¹².

Не сразу удалось нащупать оптимальную стратегию организации иммиграции. Пробовали набирать французов, шотландцев, корсиканцев, сардинцев, шведов. Довольно долго просуществовали шведские колонии по Днепру (выше нынешнего Берислава Херсонской области), прочие же быстро распались. Тогда был взят курс на приглашение добровольцев из Германии. По ряду причин германские земли в то время могли быть лучшим источником требуемой рабочей силы, чем, например, страны Южной Европы.

Устройство немецких колонистов проходило трудно. Не все переселенцы закрепились на новых местах, потребовалось время, чтобы приспособиться к местным природным и социальным условиям, добиться рентабельности хозяйства¹³. В XVIII—XIX вв. колонии, объединявшиеся в целые округа, создавались в Поволжье, на Украине, в Крыму, в Бессарабии, на Северном Кавказе, в Закавказье, на Южном Урале, в Южной Сибири, в Туркестане, в Санкт-Петербургской губернии, в ряде других мест. Согласно материалам первой всероссийской переписи населения 1897 г., в России проживало уже почти 1,8 млн. немцев¹⁴, существовало более 2 тыс. немецких поселений.

Колонии сыграли немалую роль в экономическом развитии страны, прежде всего — во внедрении передовой агрикультуры, высокопродуктивного животноводства. Из среды колонистов выдвинулись крупные оптовые торговцы, промышленники, банкиры.

¹¹ Жирмунский В. М. Итоги и задачи диалектологического и этнографического изучения немецких поселений СССР//Сов. этнография. 1933. № 2; Малиновский Л. В. Жилище немцев-колонистов в Сибири//Сов. этнография. 1968. № 3; Филимонова Т. Д. Об этнокультурном развитии немцев СССР//Сов. этнография. 1986. № 4.

¹² Писаревский Г. Из истории иностранной колонизации в России в XVIII в. М., 1909. С. 55.

¹³ См.: Писаревский Г. Г. Хозяйство и форма землевладения в колониях Поволжья в XVIII-м и в первой половине XIX-го века. Ростов на Дону, 1916.

¹⁴ Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Краткие общие сведения по Империи. Распределение населения по главнейшим сословиям, вероисповеданиям, родному языку и некоторым занятиям. 1905. С. 6. Табл. 1.

Своеобразие этнического и культурного развития колоний определялось тем, что немцы эмигрировали из Германии в тот период, когда она была раздроблена на десятки государств, когда только шло формирование общенемецкой литературной языковой нормы и самой немецкой нации. Поэтому колонисты нередко сохраняли в своей культуре те традиции, которые в Германии уже исчезли, продолжали говорить преимущественно на различных немецких диалектах. Несмотря на относительную изоляцию колоний от внешнего мира, происходило усваивание элементов русской, украинской, казахской и других культур, а окружающее население перенимало хозяйственный и культурный опыт немцев.

Было бы ошибочно полагать, что колонии представляли собой островки библейского благолепия в океане нараставших в стране социальных противоречий. Развитие капитализма в пореформенной России, собственные внутренние проблемы приводили к столкновению интересов различных социальных групп, готовили почву для включения колонистов в общероссийскую классовую борьбу.

Первая мировая война принесла немцам России заметное, хотя и кратковременное по причине грянувшей вскоре революции, ухудшение их положения. В стране была развязана шовинистическая антинемецкая кампания, непосредственно направленная и против российских немцев, что в известной степени объяснялось стремлением русской и другой отечественной буржуазии устранить конкурентов. В отношении немецкого населения страны были приняты репрессивные меры, которые включали ограничение имущественных прав и употребления родного языка. Многие тысячи немцев подлежали выселению из прифронтовой полосы, из «зон безопасности» по побережью Черного и Азовского морей. Февральская революция спасла поволжских немцев от выселения в Сибирь¹⁵.

Революционные события 1917 г., гражданская война не миновали колонии. В Красной Армии сражались целые немецкие отряды, а немецкая буржуазия субсидировала контрреволюцию. Мелкобуржуазные группировки стремились с помощью лозунга национальной автономии закрыть доступ в колонии Советской власти. Но ее сторонники оказались сильней. В октябре 1918 г. В. И. Ленин подписал декрет об образовании Трудовой коммуны немцев Поволжья. В 1924 г. она получила статус автономной республики.

В межвоенный период советские немцы активно участвовали в восстановлении народного хозяйства и строительстве социализма. Они в полной мере испытали на себе последствия сталинской коллективизации, связанные с ней раскулачивание и страшный голод 1932—1933 годов, массовые репрессии 1937—1938 годов.

Крутой поворот в судьбе немцев произошел в 1941 г., когда Германия напала на СССР. Исползуя опыт царских властей, сталинский режим действовал более последовательно и жестоко. Немцы оказались первым (но, как известно, не единственным) народом страны, обвиненным в измене и обреченным на положение внутреннего врага. 28 августа 1941 г. Президиум Верховного Совета СССР принял указ, в котором утверждалось, что «среди немецкого населения, проживающего в районах Поволжья, имеются тысячи и десятки тысяч (!) диверсантов и шпионов, которые по сигналу, данному из Германии, должны произвести взрывы в районах, населенных немцами Поволжья»¹⁶. А поскольку об этих то ли тысячах, то ли десятках тысяч агентов никто не сообщал (!) — имелись лишь некие «достоверные данные» — следовал вывод, что «немецкое население районов Поволжья скрывает в своей среде врагов Советского Народа и Советской Власти». Далее следовал вывод вполне в духе сталинской идеологии: в случае диверсий «Советское Правительство по законам военного времени будет вынуждено принять карательные меры *против всего* (курсив автора) немецкого населения Поволжья». И чтобы

¹⁵ Kronewald J. Für die Sowjetmacht. Kurzer Abriss der Geschichte der Sowjet-deutschen 1917—1920/Heimatliche Weiten. 1988. N 2. S. 232.

¹⁶ Ведомости Верховного Совета СССР. № 38 (153). 2 сентября 1941. С. 4.

этого не делать, указом предписывалось, так сказать из гуманных соображений, переселить поволжских немцев «в обильные пахотной землей» районы Новосибирской и Омской областей, Казахстана, Алтайского края и соседних местностей. До конца года немцы были вывезены за Урал — целыми эшелонами, под конвоем воинских команд — также из других областей европейской части страны и из Закавказья. Военнослужащих-немцев, за немногими исключениями, уволили из армии.

Нередко и сегодня высказывается мнение, что все эти меры были вынужденными, что среди советских немцев действительно нашлись предатели, что немецкое население было благодатной средой для деятельности германской агентуры. Трудно утверждать, что такое мнение вовсе лишено оснований и указ от 28 августа не имел никакой иной логики, кроме логики тотальной подозрительности. Ссылаются и на зарубежный опыт. Так, в 1942 г. власти США выселили с Тихоокеанского побережья во внутренние штаты страны десятки тысяч американцев японского происхождения, поместив их в концентрационные лагеря. Имущество японцев конфисковали, а их самих в принудительном порядке использовали в качестве рабочей силы на рудниках¹⁷. Однако американский опыт едва ли может служить примером для Советского государства, тем более, что видные юристы США задним числом признавали антияпонские репрессии неконституционными и неоправданными. Проводить аналогию было бы неверно и потому, что в августе 1941 г. Поволжье в районе Саратова отнюдь не входило в прифронтовую зону.

Среди немцев были, вероятно, и предатели, как были они среди представителей других национальностей. Но чтобы обвинить в измене целые народы, надо было разделять идеологию сталинизма, которая, кажется, допускала возможность видеть во врагах народа сам народ. А если уж говорить о предательстве, то на этот счет хорошо высказались в своей статье историки Л. Гордон и Э. Клопов. Репрессии 30-х годов «... не предотвратили и появления пятой колонны, на что, по-видимому, искренне рассчитывал И. В. Сталин. Во время войны нашлись десятки тысяч полицейских, карателей, провокаторов, так или иначе оказавшихся на стороне врага. Иначе, собственно, и не могло быть. В ситуации произвола и нарушения законности как раз беспринципные и неустойчивые люди легче, чем в иных условиях, выходят сухими из воды»¹⁸.

Во время войны всем было трудно, полстраны снялось с обжитых мест. А положение немцев усугублялось сильнейшим психологическим шоком, дискриминационным ограничением прав, особым положением поднадзорных, нередко — враждебным отношением окружающего населения. Большинству советских немцев было отказано в праве защищать родину с оружием в руках. Вместо этого их, мужчин и женщин, мобилизовали в так называемую трудовую армию. Советские немцы вместе со всем народом приближали победу над агрессорами, но история об этом хранит молчание, как и о том, что представляла собой трудармия.

На объектах трудармии — в шахтах, на строительстве оборонных предприятий, на лесоповале — немцы содержались фактически, как заключенные в лагерях. Условия зачастую были настолько тяжелыми, что изнуренные каторжным трудом люди массами гибли от болезней и голода, становились инвалидами. Гибли не на фронте или в блокадном Ленинграде, а в глубоком тылу.

Семьям мобилизованных тоже досталось сполна. Выпавшие на их долю испытания немногим облегчались разве что добрым участием и помощью соседей и односельчан — русских, казахов, представителей других национальностей, не утративших человечности вопреки тяготам войны и естественному предубеждению против всего немецкого. Было немало случаев, когда местные жители принимали в свои семьи оставшихся без родителей немецких детей. Нередко председатели колхозов «выкрадывали» немцев из-под надзора властей, устраивая их с семьями

¹⁷ См., например; *Weglyn M. Years of Infamy. The Untold Story of America's Concentration Camps.* N. Y., 1976.

¹⁸ Гордон Л., Клопов Э. Тридцатые — сороковые // Знание — сила. 1988. № 5. С. 52.

в своих хозяйствах: колхозы нуждались в рабочей силе, особенно в специалистах и механизаторах.

Из-за стремительного наступления германских войск летом 1941 г. не всех немцев удалось вывезти из западных областей страны. Оставшиеся оказались в лучшем положении, чем прочее население оккупированных территорий, поскольку они были причислены к «фольксдойче». Но это благоволение рейха в дальнейшем обернулось новыми испытаниями. В 1943—1944 годах в связи с наступлением Красной Армии советские «фольксдойче» были эвакуированы в Польшу и Германию, где они батрачили у местных немецких землевладельцев-бауэров. Здесь к ним относились с отчужденностью и подозрительностью — хоть и немцы, но советские. В 1945 г. большая их часть была репатриирована в СССР и отправлена «в места не столь отдаленные» — на лесозаготовки.

Окончание войны не повлекло за собой немедленного восстановления немецкого народа СССР в правах. Это произошло только в 1955 г., да и то не в полной мере: немцам не было разрешено вернуться туда, откуда они были выселены в 1941 г. Вплоть до конца 1950-х годов во многих местах немцы продолжали жить «под комендатурой». Лишь в 1964 г. Президиум Верховного Совета СССР восстановил указ от 28 августа 1941 г. «в части, содержащей огульные обвинения в отношении немецкого населения, проживавшего в районах Поволжья, отменить»¹⁹, а в начале 1970-х гг. были сняты последние ограничения в выборе места жительства. Юридическая реабилитация немцев не сопровождалась, однако, или сопровождалась в недостаточной степени реабилитацией моральной.

До последнего времени советские немцы оставались фактически «засекреченным» народом. О них не упоминается ни в одном учебнике истории, средства массовой информации старательно обходили их стороной. Почти невозможно было вести научные исследования по истории и культуре немецкого населения. Не считая специальных публикаций филологов по диалектам советских немцев, в послевоенные десятилетия вышли лишь одна небольшая монография А. Н. Ипатова «Меннониты»²⁰, посвященная к тому же преимущественно дореволюционному периоду, и несколько научных статей²¹. Правда, издаются газеты на немецком языке — «Neues Leben» (в Москве), «Freundschaft» (в Казахстане), «Rote Fahne» (в Алтайском крае), — издается альманах советской немецкой литературы «Heimatliche Weiten». В них периодически публикуются соответствующие материалы. Однако эти издания известны сравнительно узкому кругу читателей, даже не всем немцам СССР, владеющим родным языком. Не удивительно, что, например, острые и актуальные статьи В. Чернышева и Г. Бельгера²² не имели резонанса в среде широкой общественности.

Положение постепенно меняется, но информационный вакуум все же остается настолько глубоким, что одни наши сограждане просто не знают о существовании в СССР столь многочисленного народа; другие полагают, что немцы, проживающие в нашей стране, — это военнопленные и их потомки, трети, и с этим приходится сталкиваться, к сожалению, довольно часто, допускают в их отношении шовинистические выпады.

Последствия всего этого таковы, что у части немецкого населения сохраняется порожденный войной психологический дискомфорт и нет

¹⁹ Ведомости Верховного Совета СССР. № 52 (1243). 28 декабря 1964. С. 931.

²⁰ Ипатьев А. Н. Меннониты. Вопросы формирования и эволюции этно-конфессиональной общности. М., 1978.

²¹ См., например: Малиновский Л. В. Жилище немцев-колонистов в Сибири; Филимонова Т. Д., Шин М. Ф. К вопросу об этно-культурном развитии немцев Закарпатья//Карпатский сборник. М., 1972; *еже*. Об этнокультурном развитии немцев СССР; Соколовский С. В. Брачные круги и эндогамные барьеры. К методике анализа брачной миграции//Сов. этнография. 1986. № 4; Наумова О. Б. Национально-смешанные семьи у немцев Казахстана (по материалам экспедиции 1986 г.)//Сов. этнография. 1987. № 6.

²² Tschernyschew W. Einige Gedanken zur Geschichte der Sowjetdeutschen//Neues Leben. N 6. 3. Februar 1988; Begler H. Zeit zum Überlegen und Handeln. Gedanken zu einem freien Thema//Neues Leben. N 13. 23. März 1988.

иммунитета против различных слухов и западной пропаганды. Только в 1970-е годы эмигрировало, преимущественно в ФРГ, около 60 тыс. человек²³, т. е. 3% немецкого населения СССР.

Актуальным, болезненным остается вопрос о восстановлении немецкой автономии, который поднимался еще в 1960-е годы. Правда, однажды он чуть было не получил своего «разрешения», когда в 1979 г. прежнее руководство Казахстана сделало достоянием гласности намерение создать немецкую автономию на территории Целиноградской области. Однако, как показали события, это, видимо, была сознательная провокация с целью похоронить саму идею. В Целинограде инспирировали массовое антинемецкое выступление «представителей» казахского народа.

Проблема немецкой автономии сложнее, чем она может показаться на первый взгляд. Причем, на любой «первый взгляд» — имеются ведь диаметрально противоположные точки зрения. Есть приверженцы охранительной идеологии, смысл которой хорошо известен — «не пушать». Высказываются и такие опасения. Если дать немцам автономию, то вдруг и другие захотят того же, что тогда? Сегодня сторонники этой точки зрения чувствуют себя, наверное, еще более уверенно в связи с крымско-татарским и карабахским вопросами.

Те, кто выступает за автономию, аргументируют свою позицию необходимостью исправить историческую несправедливость, обеспечить немецкому народу, который, кстати, по численности занимает четырнадцатое место среди более, чем ста народов СССР, оптимальные возможности для удовлетворения национальных потребностей. Это — веские аргументы, и их нельзя игнорировать. Есть еще один, довольно любопытный нюанс. Принято считать, что в 1941 г. АССР Немцев Поволжья была упразднена упоминавшимся указом от 28 августа. Физически она действительно была ликвидирована, но — не юридически, поскольку в указе говорилось лишь о выселении поволжских немцев. Получился юридический казус, на который до сих пор никто не считал нужным обратить внимание. Республики как таковой нет, но в законодательном порядке ее никто и никогда не «отменял». Для своего времени, когда законность зачастую пасовала перед властью предержащими, это не представляло существенного значения. Но это имеет значение для правового государства, коль скоро мы намерены его строить. Таким образом, проблема переходит в несколько иную плоскость. Строго говоря, надо ставить вопрос не о восстановлении автономии немцев, а о том, чтобы вспомнить о ее существовании.

Сложности на этом не кончаются. Восстановить или создать автономию заново — значит предположить возможность переселения сотен тысяч людей и обезлюдения районов, в которых сегодня концентрируется и играет важную роль в экономике немецкое население. Необходимо также соотнести решение вопроса с суверенитетом соответствующих союзных республик, с интересами населения соответствующих местностей.

Оказывается также, что среди немецкого населения страны нет единомыслия в вопросе об автономии. Можно понять писателя Г. Бельгера, который с достойным уважением пафосом требует восстановления ее на Волге и не допускает иных вариантов²⁴. Можно понять и тех, для кого Поволжье никогда не было «маленькой родиной»: в 1926 г. здесь проживала лишь треть немецкого населения СССР²⁵. Заслуживают сочувствия и те пожилые люди, чья судьба чересчур много заставляла путешествовать по необъятным просторам страны и которые теперь хотят только одного — чтобы их на закате жизни оставили в покое. Вообще для советских немцев довольно характерно представление о том, что в случае

²³ Einfeld A. Deutsche in der Sowjetunion — zwei Jahrzehnte nach der Rehabilitierung//Osteuropa. Stuttgart, 1985. Jg. 35. Hf 9. S. 655.

²⁴ Belger H. Zeit zum Überlegen und Handeln.

²⁵ Включая АССР Немцев Поволжья и другие районы//Народность и родной язык населения СССР. (Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 года. Краткие сводки. Вып. IV). М., 1928. С. 70 и др. Табл. III.

создания автономии им придется ехать за тридевять земель чуть ли не в приказном порядке. Сказывается, конечно, печальный опыт прошлого.

Как правильно считает экономист Р. Хайнц, необходимо тщательное изучение всех точек зрения, всех вариантов решения вопроса, сопутствующих этим вариантам проблем²⁶. Но прежде всего важно определить идеологическую концепцию, которая должна послужить основой для выработки технологии принятия решения. В сфере национальных отношений авторитарные способы действия особенно отрицательно сказываются на эффективности политики.

Мне представляется, что вопрос можно решить следующим образом. Ученые — этнографы, демографы, юристы, экономисты, социологи, политологи — должны досконально изучить вопрос и представить научные рекомендации на рассмотрение широкой общественности. Средства массовой информации могли бы обеспечить свободный обмен мнениями, возможность всем желающим высказаться. После этого — и только после этого — провести референдум, в котором участвовали бы не только немцы, но и все население районов, где будет предполагаться создание немецкой автономии. Результаты референдума послужили бы основой для принятия соответствующих решений Верховными Советами СССР и соответствующих союзных республик.

Варианты могут быть действительно разные. Например — такой. Учитывая существо проблемы, следует, видимо, рассматривать вопрос не о восстановлении АССР Немцев Поволжья, а о создании автономии немцев СССР. При выборе территории целесообразно иметь в виду особенности расселения немцев в настоящее время. Немецкое население концентрируется преимущественно в Северном Казахстане (всего в республике — около 900 тыс. немцев), в Киргизии (100 тыс.), в Алтайском крае (124 тыс.), в Омской (120 тыс.), Новосибирской (64 тыс.), Оренбургской (43 тыс.), Кемеровской (17 тыс.) областях и в Красноярском крае (54 тыс.) РСФСР²⁷. Подавляющая часть немецкого населения сосредоточена в Зауралье, логично именно где-то здесь искать место для создания автономии, например, на стыке Павлодарской области, Алтайского края и Новосибирской области. В этом случае соответствующие районы могли бы быть выведены из состава Казахской ССР и РСФСР, а немецкая автономия получила бы статус союзной самоуправляющейся территории. В отечественных конституционном праве и политической практике ничего подобного еще не было. Но почему почти за 70 лет существования СССР нельзя придумать ничего нового, если это пойдет на пользу делу? Такой статус немецкой автономии, по моему мнению, наиболее адекватно соответствовал бы тому месту, которое занимают советские немцы среди других народов СССР. Кроме того, это позволило бы избежать необходимости решать пограничный вопрос, который вполне может возникнуть, если автономия будет создана в рамках РСФСР или Казахской ССР.

Можно думать также о создании, наряду с основной автономией, нескольких, допустим, двух-трех мелких автономных образований немцев (типа национальных районов или сельсоветов) в других местностях. Это будет способствовать наиболее полному удовлетворению национально-культурных потребностей немецкого населения и предотвратит излишне интенсивные миграционные потоки.

Как бы там ни было, решение немецкого вопроса во всем комплексе его аспектов нельзя больше откладывать. Хвосты «белых пятен» прошлого не должны мешать преобразованию нашего общества.

²⁶ Heinz R. Eine Reise an die Wolga mit der Exkursion in die Geschichte//Neues Leben. N 20. 11 Mai 1988. S. 13.

²⁷ Численность и состав населения СССР. С. 90—101. Табл. 16; С. 116. Табл. 22.